

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»

В статье исследованы сюжетные мотивы в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей». Проанализированы взаимосвязи сюжетных мотивов и «лейтмотивов» в тексте. Обоснована ведущая роль лейтмотива «пограничной ситуации» в сознании человека.

Ключевые слова: сюжет, сюжетные мотивы, лейтмотив, композиция, мотив «пограничной ситуации».

Ця стаття досліджує сюжетні мотиви в повісті Л. М. Толстого «Отец Сергей». Зокрема, аналізуються взаємозв'язки сюжетних мотивів та «лейтмотиву» у даному тексті. Також обґрунтовується провідна роль «лейтмотиву» «граничної ситуації» у свідомості людини.

Ключові слова: сюжет, сюжетні мотиви, лейтмотив, композиція, мотив «пограничної ситуації».

The present article is dedicated to the investigation of the plot motives in the novel «Father Sergiy» by Leo Tolstoy. The immediate aim of the work is to analyse the particulars of the interrelation of the plot motives and the tenor in the given text. The leading role of the tenor of «marginal situation» in the human consciousness is also under reserch here.

Key words: plot, plot motives, tenor; composition marginal situation motif.

Постановка проблемы обусловлена тем, что в последние пять лет повысился интерес к изучению творчества «позднего» Л. Толстого (работы Е. В. Николаевой, О. В. Сливицкой). Но повести «Крейцерова соната», «Дьявол», «Отец Сергей» не стали объектами пристального внимания литературоведов. Более того, повести анализируются с точки зрения общности их проблематики, которая основана на трактовке «семейной драмы».

Целью данной статьи является акцентуация на мотивной структуре повести «Отец Сергей», связанной с сюжетной организацией текста.

Категория «мотив» неоднозначно трактуется в литературоведении. В данной работе мы будем основываться на классическом определении, данном А. Н. Веселовским в «Исторической поэтике»: «Мотив — минимальная единица сюжета», своеобразная повторяющаяся ситуация [1, 110]. Мотив, в свою

очередь, «составляет» понятие главного, ведущего сюжетного мотива — «лейтмотива» (Б. М. Гаспаров).

Ситуация «психологического перелома», кризиса в сознании человека, «пограничности» проявлений психики и является лейтмотивом в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей». «Пограничная ситуация» — это некий кризисный момент человеческой жизнедеятельности, требующий максимального внимания, размышлений о жизни и смерти, философского углубления в себя, в поиски истины. Так определили роль и значение, а также аспекты возможной интерпретации проблемы в целом ученые (Ю. М. Лотман, А. И. Братусь). Особое значение тема «кризисной границы» «добраго» или «злого» начал, «жизни» и «смерти» приобрела в переходный период 80–90-х годов XIX ст. Данная проблематика вызывала значимый интерес, актуализировалась в произведениях Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского.

В повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» герой, утративший смысл существования, в минуту глубочайшего духовного кризиса решает покончить с собой. Но наступившее прозрение «помогает» ему открыть для себя смысл бытия, суть которого сформулирована в Евангельских заповедях. Рассматриваемая модель «магистрального сюжета» (Л. Пинский) — «путь—прозрение—путь» — представлена во многих произведениях «переходного времени», однако «пограничная» ситуация прозрения, «жизненного выбора» стала основой в повестях Л. Н. Толстого 1880–1890 гг., определив сходство их «фабульных моделей» [2, 17].

Кризис является для Л. Н. Толстого универсальным архетипическим мотивом, порождающим адекватные художественные решения, суть которых, в самом общем плане, можно обозначить, используя терминологию К. Г. Юнга, как «прорыв в бессознательное» [5, 110]. Символика нравственного выбора, «пограничной ситуации» в сознании человека, трансцендентного времени, в которое для человека открывается возможность постижения высших истин, может быть рассмотрена в повести «Отец Сергей» в контексте, связанном с мистическим опытом прохождения через тьму, хаос бессознательного, с целью об-

ретения высшего знания, постижения С. Касатским гармонии целостного мироздания, «...истины в Свете Божьем» [3, 393].

Противоречие между идеальными устремлениями и неудовлетворенностью, связанное с невозможностью осуществить высокие духовные устремления («...что может быть выше, нежели служение Богу...»), определило суть конфликта и привело к «разграничению», раздвоенности сознания героя, ибо он находится на грани («границе») безумия. Раздвоение С. Касатского связано с «прозрением», по определению Ю. Г. Юнга, с «...состоянием неопределенности в отношении своих границ познания мира» [5, 111].

Юнг отмечает, что «... ударяясь в болезненную гордость и надменное недовольство, которые мучительны и для них, эти герои выходят за пределы своих человеческих пропорций... и потому, фигурально говоря, становятся богоподобными» [5, 111].

«Гордыня» толстовского героя с трудом совместима «со смиренным служением Богу», что и создает «пограничную ситуацию», «расколовшую» сознание персонажа; С. Касатский балансирует на грани рационально-иррационального, нормы и болезни. Одиночество приводит героя к идее «саморазрушения» (как к первоначальному хаосу бытия, где нет «неразрешимых вопросов»). Своим решением о самоубийстве как акте свободы воли, по сути, являющемся отрицанием Бога, Касатский признает «сверхличностную значимость» [4, 158] своего существования, свою богоподобность, о чём говорилось выше.

Традиционная аналогия между смертью и жизнью проясняет сюжет прозрения, сосредоточенный (основанный) на мистической «границе» «смерти и воскресения».

Таким образом, «безумие одиночества», которое сопровождается чувством непреодолимой отъединенности от мира, раскрывает перед героем недоступные другим уровни понимания мироздания, а в контексте произведения предстает в качестве начинающейся, иницилирующей болезни и свидетельствует об «избранности персонажа» [4, 80].

Подобное состояние обычно предшествует «кризисному прозрению». Идея «саморазрушения» означает выход из времени и отказ от бессмертия. Состояние героя во время роковых

размышлений у реки (эпизод после встречи с купеческой дочерью: «...бледной, глупой девушкой Марьей») сравнимо с его чувством, тогда еще молодого монаха, во время ритуала «посвящения». Ведь в том и другом случае у Касатского возникают сомнения «...глубокие, терзающие» [3, 402].

Размышляя о Библейских сюжетных мотивах, отметим, что катастрофа, которую пережил отец Сергей в эпизоде с купеческой дочерью Марьей, произошла накануне дня Преполовления. Преполовление — середина пятидесяти дней между праздниками Пасхи и сошествия Святого Духа, половина Пятидесятницы. Как известно, Пасха принадлежит к «высочайшему празднику» христианства, а день сошествия Святого духа относится к разряду «Великих двенадцатых праздников», и между ними отмечаются дни «Преполовления и Вознесения Господня». Поэтому весьма знаменательно, что «драма» грехопадения Сергея совпадает с днями наиболее торжественных церковных богослужений.

По легенде, Христос, прежде чем оставить землю, на сороковой день после своего воскресения, прощаясь с учениками и подготавливая их к «великому служению», пошел с ними по направлению к Вифании. Это был путь, который неоднократно проходил он с учениками своими и который совершил с ними в последний раз пред самыми страданиями. Дорога лежала мимо Гефсиманского сада, куда Господь не раз удалялся ночами для молитвы, где он накануне своих страданий в присутствии избранных учеников своих, бывших свидетелями его славного преображения (Матф.: 17, 1; Марк.: 9, 2; Лук.: 9, 28; Матф.: 2, 67; Марк.: 14, 33), боролся с немощью плоти, всем существом своим возмущившийся пред трудностями им на себя поднятого подвига (Марк.: 14, 34–36; Лук.: 22, 42–44), и откуда он был взят архиерейскою стражею для суда и крестной смерти (Матф.: 26, 47–57; Марк.: 14, 43–53; Лук.: 22, 47–54). Мысль учеников сама собою обратилась к недавно пережитому тягостному прошлому и, невольно сопоставляя ее с настоящей радостной минутой, они подумали, что «Божественный Учитель не напрасно ведет их по этим местам, исполненным грустных воспоминаний, что, может быть, там же, откуда начался путь

бесславных крестных страданий Его, должна открыться перед всем миром слава его» (Лук.: 22, 47–54). «Среди... беседы они достигли вершины Елеона, отстоявшей от Иерусалима на расстоянии субботнего пути. Здесь Господь остановился, воззрел на учеников своих, потом воздвиг руки свои и благословил их тем благословением, которое простирает свою силу на веки и передаётся от одного поколения к другому, почивая на всех верующих. И благословляя, он поднялся в глазах учеников и стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лук.: 22, 47–54).

Для Касатского канун дня Преполовления — это завершение пути монаха и одновременное возвращение к тому моменту, когда такой же майский день разрушил все его надежды (объяснение с Мэри). Грех Мэри привел офицера в монастырь, встреча с Маковкиной подняла на духовную высоту и грешницу барыню, и отшельника Сергия, и, наконец, «дщерь купеческая» ввергла монаха в пучину греха. Три роковые встречи определили «жизнь» героя.

В отличие от Христа, который окончил подвиг земного служения и теперь «онебесенный крестом» стремился в «мир пренебесный», Сергий с ужасом думает: «Неужели все это было? Отец придёт. Она расскажет. Она дьявол! Да что же я сделаю? Вот он, тот топор, которым я рубил палец». Он схватил топор и вошел в келью» [3, 397]. Христос говорил своим повергнутым в печаль собеседникам: «Я исшёл от Отца и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду к Отцу» (Иоанн: 16, 28). Отец Сергий говорит себе: «Да надо кончить. Нет Бога. Как покончить? Броситься? Умею плавать, не утонешь. Повеситься? Да, вот кушак, на суку... Хотел, как обыкновенно в минуты отчаяния, помолиться. Но молиться некому было; Бога не было» [3, 398].

Церковь в день Преполовления по литургии совершает малое водоосвящение, прося Господа «напоить жаждущие души водами благочестия». В день, когда «прославляется особенно учение о таинственной воде» (под которой разумеется благодатное учение Христово), отец Сергий, чтобы избавиться от охватившего его отчаяния, бежит к реке, к обрыву.

Герою не удалось преодолеть отчаяние, уйти от мирских соблазнов и сосредоточиться на своей внутренней жизни, но сю-

жет Толстого заостряет ситуацию: с одной стороны — «гордыня святости», тщеславие Касатского, с другой — давно искомая опора в Боге. Однако возникает у персонажа Л. Н. Толстого и новое, особое состояние открытости миру (духовного раскрепощения), недостижимое в повседневной жизни «святого», в то же время усиливается «желание самоубийства» как пограничная ситуация — «на пороге» [5, 120].

Рефлексия героя означает, по существу, сомнение в бессмертии души; ведь он теперь грешник, «поддался соблазну», Бог его не спас (не помогли долгие «службы», молитвы). Решение о самоубийстве порождено не только конфликтом сознательного и бессознательного («духовного» и «плотского»), кризисом веры, ощущением утраты «...смысла жизни, не уничтожаемого смертью» (Л. Н. Толстой), но и попыткой преодоления страха перед неизбежностью гибели, неумолимым течением времени.

Самоубийство для Касатского означает отказ от «обыденного» времени и пространства, от «самой вечности». «Выход» из привычного, церковного уклада жизни монаха, предопределенный духовным кризисом, создает для героя возможность прорыва в иное — «бесконечное» время, позволяющее созерцать вечный цикл бытия и таким образом получить ответ на обращенный к Богу вопрос о смысле существования, что в конечном итоге подтверждает потребность в обретении утраченной Веры.

Приобщение ко всеобщим нравственным, христианским ценностям (встреча отца Сергия и Пашеньки) переходит в своеобразную ситуацию «воскресения» — духовного, нравственного, что подчеркнуто обращением героя к Евангелию. Герой обретает новый смысл жизни благодаря «Полученному высшему знанию» [3, 419], видя готовность Пашеньки «принести Искупительную жертву». Касатский понимает, что он не святой, не «житийный персонаж», а грешник; святая же здесь Пашенька», в снах «видениях» С. Касатского, она — воплощение Богородичного начала (вновь «пограничная», кризисная ситуация).

Детальный самоанализ, погружение в бессознательное могут привести личность либо к углублению хаоса и отказу от духовного бессмертия, либо к преодолению духовного кризиса,

когда открывается путь к «сверхсознанию», обретение которого знаменует победу над бессознательным [4, 77]. Полученное «знание» становится «переходным этапом» в обращении героя к истинной вере, что вполне соответствует развитию сюжета повести «Отец Сергей».

С. Касатский неосознанно постигает «всем существом своим» [3, 450] те величайшие ценности бытия, которые рассудок ставил под сомнение. По мнению Юнга, «...бессознательное, манифестируя себя посредством своих архетипов, повсеместно вторгается в сознание, рассудок» [5, 140].

«Сомнения» свой герой обращает к Богу. «Вопрос» к Богу образует основной «мотивный» узел в иерархической системе построения сюжета повести (после соблазнения герой обращается к Богу, размышляет: «Есть Он или нет?») Затем Касатский уходит из монастыря). Суть «вопроса» сформулирована и определяется разрушением моральных устоев, утратой представлений о ценностях истинных и ложных, борьбой профанного и сакрального начал во внутреннем мире личности, Бога и Дьявола.

Выводы. Таким образом, указанные противостояния «определили» сюжетные мотивы и лейтмотив повести, в основе которых история развития кризисной, «пограничной» ситуации в сознании героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Л., 1940. — 220 с.
2. Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа / М. М. Гиршман. — М., 1991. — 194 с.
3. Толстой Л. Н. Отец Сергей / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: В 22 т. — М., 1978—1985. — Т. 12. — С. 320—405.
4. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В. Н. Топоров. — М., 1995. — 487 с.
5. Юнг К. Г. Последствия ассимиляции бессознательного / К. Г. Юнг // Психология бессознательного. — М., 1994. — 485 с.
6. Юртаева Е. Н. Жанровое своеобразие повестей Л. Толстого 70—90-х гг. XIX века / Е. Н. Юртаева // Толстовский сборник № 27. — Тула, 2002. — С. 39—50.